

Влада Баранова

Составление словаря и рождение нового языка

Один из важных аспектов социолингвистики — как носители воспринимают язык и, в частности, как представляют близкие варианты одного идиома. Во введении к хрестоматии Д. Престон рассматривает наиболее корректную методику описания народного восприятия региональных вариантов, включающую составление ментальной карты диалектов, оценку «правильности» языковых форм, опрос с открытыми вопросами, предъявление образцов акцента [Preston 1999: XXXIV] (см. также второй том: [Long, Preston 2002]). К сожалению, довольно мало известно о восприятии русских диалектов и о том, какие варианты выделяют сами носители, где проводят границу между идиомами, как относятся к тому или иному варианту (см., впрочем, эксперимент по методике «парных масок» с оценкой оканья и фрикативного /ʒ/ [Andrews 2003] и отдельные работы об отношении к диалектам [Krause, Sappok, Yokoуama 2003; Лопухина 2012]). Для «народной лингвистики» в принципе очень важно противопоставление (литературного) языка и диалекта, а для русского языка, особенно на фоне всеобщего школьного обучения в XX в., характерен существенный разрыв в степени престижности между диалектами и стандартным языком. Как на этом неблагоприятном фоне воспринимают диалект современные

Влада Вячеславовна Баранова
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики» /
Институт лингвистических
исследований РАН,
Санкт-Петербург
vlada@eu.spb.ru

носители диалекта? Ниже я постараюсь рассмотреть этот вопрос на материале дискуссий в интернете, публикаций региональных активистов и полевых материалов из одного сообщества — *кацкарей* (интервью и наблюдений).

На сегодняшний день существует ряд сообществ, декларирующих те или иные региональные различия, и существенным вопросом в осознании своего группового единства является признание особого идиома, отличающегося от вариантов соседей. Дискутируемыми проблемами оказываются статус идиома (язык или диалект), степень отдаленности от других вариантов, престиж того или иного варианта. Для большинства русскоязычных групп одноязычие признается нормой *per se*, однако в последнее время можно наблюдать достаточно много попыток заявить об особом статусе идиома у групп, оцениваемых внешним наблюдателем как *русские* и *русскоязычные*, но обладающих вместо русской или наряду с ней другой идентичностью, противопоставляющей сообщество окружающему населению. Трудно судить, появились ли подобные идеи и сообщества в последнее время или они просто стали видимыми для лингвистов, особенно с распространением интернета.

Новые русские группы в поисках идентичности

Рассматриваемые ниже примеры конструирования новой идентичности языковыми средствами имеют разный эффект и, возможно, лишь на первый взгляд кажутся явлениями одного порядка. Некоторые из этих групп стремятся получить официальный «этнический» статус: об этом неоднократно заявляли представители *поморских* этнических организаций, представители элиты *казаков* призывали указывать именно данный этноним в переписи населения 2002 г. [Корюшкина 2003]. Другие группы не стремятся получить статус особой этнической группы в переписи, но активно заявляют о своей специфике, как, например, старообрядческая группа *усть-цилема* [Шабаетов 2003]. Представления об особой этничности группы возникают, как правило, на основе существующей региональной или диалектной групповой идентичности (вроде *скобарей*), но конструирование новых идентичностей зависит от активистов. Инициаторы дискуссий о положении той или иной группы апеллируют к особенностям сообщества, противопоставляющим его «русским» или «всем остальным русским». Набор подобных особенностей отчасти наследует советским этнографическим и историческим дискурсам. Степень «этничности» достаточно сильно варьируется в высказываниях разных участников:

Поморское этническое сознание традиционно подразумевает отдельный этнический статус независимого поморского народа, который живет по своим «дедовским» законам и придерживается собственных этических норм и правил поведения. Ассимиляция в великорусской этнической культуре означает для поморов собственную этническую деградацию [Мосеев 2005: 14].

В других случаях конструирование ограничивается только языковым аспектом. Например, карельский поэт и краевед Вячеслав Агапитов пишет стихи на заонежском диалекте и переводит на этот идиом произведения других авторов.

*Стоймя горму край заполя палит ярило натужное,
А над поженкой с пабедья пармаки стретные,
Пайгаш головой тряся да тулится в затресье,
Жупят бабы за байною с причетью: Докуль и жариться!*
(«Межень» <<http://www.stihi.ru/2012/02/25/7252>>).

*В лядины белой стоит замок бел.
По пустым зальям тихо ползя ужас.
Карамбается плющ, как с воды кубас.
Поодаль выпадок дороги дел.*
(перевод стихотворения Р.М. Рильке [Агапитов 2002: 25]).

Поддержание статуса диалекта и его конструирование часто связаны с индивидуальными усилиями, как, например, в случае карельского поэта и краеведа В. Агапитова, поморского активиста И. Мосеева, создателя газеты «Кацкая летопись» С. Темняткина. Распространение подобных идей увеличилось (или стало заметным для исследователей) с использованием интернета — ср. замерший сейчас проект «Сибирская вольгота» (сайт со словарем и текстами, переводами на *сибирскую вольготу*, даже была Википедия на этом варианте <http://www.volgota.com/govor/about_sibirian_language>).

Кацкари

Ниже рассматриваются представления о языке, конструируемые в процессе поиска региональной или этнической «новой русской» идентичности на примере одной из групп — *кацкарей*. Кацкий Стан (Кацкая волость) — неофициальное название расположенной на реке Кадка группы деревень Мышкинского, Угличского и Некоузского районов с центром в с. Мартыново Мышкинского района (с 2000 г. — Приволжское сельское поселение, центр в Мышкине), население около 400 человек. Это небольшое поселение, поэтому достаточно легко проследить представления разных групп местных жителей и степень их вовлеченности. Возникновение «кацкой» идентичности напрямую связано с деятельностью краеведа С.Н. Темняткина,

с 1993 г. выпускавшего газету «Кацкая летопись» (затем журнал с таким же названием) и создавшего в поселке Мартыново Музей кацкарей, словарь кацкого языка и другие формы самопрезентации сообщества.

Этноним *кацкари* до недавнего времени не использовался местными жителями (в отличие от вариантов, являющихся самоназваниями определенных групп, например *скобари*). Административное разделение округа на районы было для большинства местных жителей актуальнее «общекатцкого» единства, а особенности местного диалекта не осознавались как выделяющие его на фоне всех остальных вариантов русского языка.

Инф.: *Откуда он взялся, кацкий язык? Если бы Сергей не занимался, мы бы так и жили и не знали, что мы на кацком языке говорим.*

Соб.: *И «Кацкий Стан» — такого названия раньше не было?*

Инф.: *Не было. Это в старину было. Это было в старину. Мы не знали, откуда мы знали (ЛИЧ, ж. 1949 г.р.)¹.*

Музей кацкарей ориентирован на внешнего потребителя и предлагает туристические программы:

В программу «Побахорим по-кацкие» входит:

- экскурсия по этнографической избе Музея кацкарей (*продолжительность — 45–60 минут, все вещи живут на своих местах с 1910 года в окружении кацкого фольклора, кацких мифов и кацкого диалекта*);
- угощение из русской печи: *томленая картошка, соленые огурцы, хлеб, топленое молоко, чай*;
- посещение подворья с домашними животными, *кормление с рук, фотографирование.*

Для детских групп предлагается познавательная игра-викторина «*Праской кацкарь!*» (*сведения не из энциклопедий, а из кацкой жизни*) (данные с сайта «Кацкая национально-культурная автономия» <<http://www.katskari.com/наши-программы>>).

Сайт «Кацкая национально-культурная автономия» содержит тексты, которые должны произвести на читателя впечатление максимально непонятного языка:

Дарома хороброму! В тёмке безлунной ночи, аккурат в мёртвой час, у хороброго верняком хватит духу взойти одинёшеньку в на-

¹ Здесь и далее приводят цитаты из интервью с жителями с. Мартынова, записанные в 2001 г. Я благодарю всех информантов и особенно С.Н. Темняткина.

рушенную ригу. А тамотки ждёт-дожидается ёго закомелистая — от стлани до потолка — Лягва, и в ейном роте пальмо горит! Хороброй не наполохается; хороброй промаскалит скрозь пальмо прямо, и сгинёт всё... <<http://www.katskari.com/content/кацкие-мифы>>.

Под каждым текстом приведен перевод неизвестных слов: *дарома* — хорошо, *закомелистой* — крупный, широкоплечий, *лягва* — лягушка, *наполохаться* — напугаться, *нарушенной* — брошенный, *пальмо* — пламя, *промаскалить* — пройти, *рига* — сарай для сушки и обработки зерновых и льна, *стлань* — пол. Как видно из списка слов к данному отрывку, комментарий касается не только диалектной лексики, но и устаревших слов, этнографических реалий (*рига*).

Словарь кацкого языка

Как отмечает в интервью журналу «Русский репортер» С.Н. Темняткин, «деревенские жители не задумываются, когда вставляют в речь диалектное слово. Вот мы в музее сознательно этот словарь учим и между собой стараемся только кацкие слова употреблять» [Шарова 2009]. Представления об этнографической и лингвистической специфике кацкарей, характерные для музейного дискурса, активно транслируются. Занятия по кацковедению проводятся в детском саду и, более регулярно, в школе (в 7, 8 и 9 классах). Кроме того, дети присутствуют на сельских праздниках в Доме культуры, бывают на экскурсии в Музее кацкарей. У Кацкого Стана есть собственный гимн, в котором упоминаются особая речь кацкарей и древняя история группы. В газете «Кацкая летопись» регулярно публикуются словарные материалы по кацкому языку в рубриках «Великий могучий кацкий язык» и «Перед уроком» (последняя представляет собой задания для школьных уроков кацковедения). Словарная работа ведется по двум основным направлениям: поиск новых слов и корректировка значений уже имеющихся единиц. Сначала кто-либо из сотрудников газеты или музея фиксирует встретившееся в речи кацкарей необычное слово или выражение, а затем слово, составленная редактором дефиниция и контекст употребления публикуются в газете. Читатели должны оценить, правильно ли определено то или иное слово, при необходимости в следующем номере может быть опубликовано опровержение или дополнение. Слова, прошедшие такое «сито», считаются определенными и включаются в материалы к словарю кацкого языка. Словарные толкования имеют нестрогий характер, не содержат специальных помет, но некоторые статьи включают грамматический и этимологический комментарии. Вот неко-

торые примеры из рукописного варианта словаря, хранящегося в Музее кацкарей (версия 2001 г.):

Бибика — в разговоре с малышом так могут назвать автомобиль.

Гандорея — особый тип сеней.

Голоногой — если вы выйдете на улицу без чулок, без рейтузов и без колготок, да еще в холодное время.

Бесчасной — кацкари могут выдумывать слова прямо на ходу: «Скоко времени?» «Не знаю, без часов я». «А что же ты такой бесчасный?»

Мантурить — вкалывать, надрываться на работе.

Молосина — общее название продуктов из молока: творога, сметаны, простокваши и др.

Горькая — капуста горькая — да-да, именно так и надо правильно произносить по-кацки. В науке это называется ассимиляция.

Вода — «Чур я не вОда!» Кто такой? Водящий в игре.

БОльнё, БОльно — очень: «Мне он тоже не больнё люб!» Это одно из тех характерных слов, по которому можно сразу распознать кацкаря.

Единицы, не встретившиеся в словаре С.И. Ожегова и Малом академическом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой, рассматриваются как слова *кацкого* языка. Достаточно очевидна неполнота вышеуказанных словарей по сравнению с реальной речью носителей языка; при таком подходе маркированными оказываются слова различных лексико-тематических групп, объединенные общим признаком — некодифицированностью, отнесенностью к сфере разговорной, или просторечной, или диалектной речи. При анализе лексического состава *кацкого* языка с точки зрения традиционной лексикографии с выработанной ею системой словарных помет были бы, вероятно, выделены группы разговорной, разговорно-сниженной (просторечной), устаревшей, неупотребительной, диалектной и т.д. лексики. Большинство отличий от литературного языка — фонетические (*нонешний, беремя*). Довольно много слов, называющих специфические или не существующие на сегодняшний день явления (*гандорея* — особый тип сеней). Включаются слова детского языка (*бибика*), ocasionальные дериваты (*голоногой*), примеры языковой игры (*бесчасной*). В некотором отношении составитель словаря следует традиции полевой лингвистики, предполагающей фиксацию всех элементов языка.

Статус идиома в глазах носителей

Значительное место в представлении о *кацком* языке занимают этимологические данные и параллели с другими языками. Сближение кацкого языка с другими идиомами позволяет противопоставить его русскому языку. Наиболее последовательно проводится сравнение кацкой и финно-угорской лексики, а формирование *кацкарей* как отдельной группы объясняется «смешением» славян и финно-угров: *В речи кацкарей, у которых, как известно, славянская кровь смешана с мерянской, «чурка» превратилась в «тургован»* (из карточек к словарю кацкого языка, хранящихся в Музее кацкарей, версия 2001 г.). *Мерянский* субстрат позволяет теоретически обосновать этническую обособленность кацкарей, а также поддерживает представление о *древности* кацкого населения, прародители которого исконно жили на этих землях. Кацкари как автохтонное население противопоставляются в таком случае окружающему некацкому населению. Прямое наследование древним народам, обитавшим на той же территории, — достаточно распространенный мотив этноцентрических мифов, служащих подтверждением прав группы на определенную территорию. «Испаноязычные метисы-мексиканцы считают своими предками не кастильских конкистадоров, а полузабытых ацтеков, майя, тольтеков и сапотеков. Уругвайские революционеры-патриоты, сами будучи креолами, взяли себе имя Тупака Амару, последнего великого коренного мятежника, восставшего против креольского гнета и погибшего в 1781 г. под неопируемыми пытками», — пишет Б. Андерсон [Андерсон 2001: 172].

Активисты других рассматриваемых групп часто указывают на славянскую, но более древнюю (по сравнению с литературным русским) природу регионального языка. Ср., например, высказывание карельского поэта и краеведа Вячеслава Агапитова: «Помимо стихов на русском литературном языке, пишу на заонежском диалекте — реликте древненовгородского языка» (автор о себе на портале «Стихи.ру» <<http://www.stihi.ru/avtor/>>). И.И. Мосеев пишет, что «о древности “говори” красноречиво свидетельствуют слова, которые доказывают, что корни поморского языка лежат не в мифическом “древнерусском языке”, а в более древних восточнославянских диалектах, которые и следует считать источниками возникновения поморской говори» [Мосеев 2005: 23]. Подобные утверждения возникают на фоне устоявшихся в обществе негативных стереотипов в отношении диалекта. Большинство носителей русского языка признают лишь стандартизованный русский язык, тогда как диалект по умолчанию считается неправильным языком неграмотных жителей. Воз-

можно, что упоминание об особой древности должно повысить статус региональных идиомов.

О том, как оценивают односельчане деятельность активистов и усилия по описанию *кацкого* языка, известно, к сожалению, только по материалам 2001 г. В тот момент информанты не готовы были воспринимать *кацкий* язык как независимый от русского идиом и оценивали свой вариант как менее престижный. Стремление Темняткина заменить оппозицию «язык — диалект» или «городской — деревенский» отношениями между двумя самостоятельными языками не принесло на первых порах ощутимых результатов. Для носителей языка оставались в силе отношения «русский язык vs. *кацкий* диалект», и последний оценивался существенно ниже.

Инф.: *Я вот, например, все время стесняюсь. Сергей Николаевич ругается: «Ты говоришь на кацком языке, нечего тебе стесняться». А я все время стесняюсь* (ЕАВ, ж. 1969 г.р.).

Среди более молодых информантов достаточно широко было распространено представление о том, что хорошо говорят *по-кацки* старики и в газете реконструируется именно их речь. Однако представители старшего поколения не считали себя «эталонными носителями» *кацкого* языка и отсылали к газетным материалам или составителям словаря.

Инф.: *Теперь мы и сами от тех [слов. — В.Б.] отвыкли. А вот в газетах-то верно и вспоминаш, прочитаешь — ведь и верно, так наши-то отцы, матери говорили, ведь верно так, вспоминаш, как они еще говорили. Вот вы и поинтересуйтесь через газету, там в каждой газете все писали, писали, как в начале-то. Там перевод, каждого того слова перевод, чего это слово значило* (МAB, м. ок. 70 лет).

В небольшом сообществе успех или неудача подобных проектов во многом зависят от личных отношений внутри группы. *Кацкари* в целом положительно относятся к деятельности краеведов, большинство жителей довольны, что у них есть собственные газета и музей. *Кацкая* идентичность, по-видимому, признается группой, однако не становится для носителей альтернативой русской самоидентификации, как предполагают С.Н. Темняткин и другие активисты. Скорее можно говорить о «вложенной» *кацкой* идентичности, относящейся к «русской» как единица другого, более низкого уровня. Однако общество обсуждает разные представления о локальной специфике — и с точки зрения негативно оцениваемого отличия от литературного языка, и с точки зрения групповых особенностей как ресурса деревенских жителей.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить динамику в представлении кацкого сообщества активистами в последние годы (разумеется, я могу судить об изменениях лишь по публикациям в газете и отзывам в интернете, так как повторной полевой работы не проводила). Из-за того что внутри сообщества создание новой идентичности воспринималось с сомнением или под влиянием других причин, произошли частичная переориентация на внешних потребителей и, как следствие, изменение смысла *кацкарства*. В 2001 г. проект был ориентирован преимущественно на местных жителей, а туристические программы только начинали реализовываться и были во многом планами, тогда как сейчас в интернете представлены *кацкие* программы, рассчитанные на туристов, а о восприятии можно судить по отзывам в блогах о посещении Кацкого Стана. Предлагаемые экскурсионные программы подчеркивают образ «настоящей русской деревни» (а не особую этническую группу), и именно этот образ оказывается востребован туристами (преимущественно жителями Москвы). В газете публикуются письма поддержки от читателей, нередко горожан в первом поколении, ищущих также именно «настоящую русскую деревню». Создатель музея С.Н. Темняткин в печатных интервью чаще обозначает кацкий идиом как «диалект», а не «язык» (а магия разделения на *язык* и *диалект* по-прежнему действует на людей, не связанных с лингвистикой). Умеренный поиск региональной специфики *кацкарей* и диковинок сельского прошлого оказывается наиболее успешным проектом среди рассмотренных групп (по крайней мере, на фоне политического осмысления этнического активизма в рамках, например, судебных процессов создателя словаря *поморской говори* И. Мосеева).

Изменение технологий издания и утрата монопольного права профессионалов на создание словарного продукта привели к появлению многочисленных региональных или групповых словарей. Словари кацкого и поморского идиомов находятся в русле этой тенденции. Язык воспринимается прежде всего как лексическая система. Для обыденного сознания языковые отличия — это в первую очередь *другие слова*, а не иная грамматика. Языком идиом становится (и здесь представления простого носителя совпадают с научными) тогда, когда он кодифицирован, то есть необходимо как минимум создать словарь. Конструирование языковых границ внутри русскоязычных, с точки зрения внешнего наблюдателя, групп начинается с составления словарей, и лишь некоторые затем переходят к созданию текстов на идиоме.

Библиография

- Аганитов В.А.* Круг северных песен: Нонешни вирши. Петрозаводск: Фолиум, 2002.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Корюшкина Е.* В ожидании переписчиков: о надеждах и отношении к переписи—2002 турок-месхетинцев и казаков Краснодарского края // Этнография переписи—2002 / Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: Авиаздат, 2003. С. 207—220.
- Лопухина А.* Изменение отношения носителей диалекта к своей речи (на примере одного диалекта Архангельской области) // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19—21 ноября 2012 г. / Отв. ред. Е.В. Головки. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 35—36 <http://iling.spb.ru/confs/folk2012/folk2012_abstracts.pdf>.
- Мосеев И.И.* Поморська говоря: Краткий словарь поморского языка. Архангельск: Б.и., 2005.
- Шабает Ю.* Перепись—2002 в Республике Коми: проблемы и издержки // Этнография переписи—2002 / Под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: Авиаздат, 2003. С. 169—180.
- Шарова Т.* Чисто по-кацки. Зачем горожане едут в деревни и общаются с местными жителями // Русский репортер. 2009, 29 июля. № 29 (108) <<http://www.rusrep.ru/2009/29/muzey/>>.
- Andrews D.R.* Gender Effects in a Russian and American Matched-Guise Study: a Sociolinguistic Comparison // Russian Linguistics. 2003. Vol. 27. Is. 3. P. 287—311.
- Krause M., Sappok Ch., Yokoyama O.T.* Accentual prominence in a Russian dialectal text: an experimental study // Russian Linguistics. 2003. Vol. 27. Is. 3. P. 251—285.
- Long D., Preston D.G.* (eds.). Handbook of Perceptual Dialectology. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. Vol. 2.
- Preston D.G.* (ed.). Handbook of Perceptual Dialectology. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. Vol. 1.